

В ТЕ ГОДЫ ДАЛЕКИЕ (ИЗ ИСТОРИИ ВОРОНЕЖСКОЙ ШКОЛЫ)

(Рец. на кн.: Пыльнев Ю. В. Воронежская губернская (1-я мужская) гимназия. – Воронеж : ИИЦ ВГУ, 2009; Чуев С. А., Пыльнев Ю. В. Народное образование в Воронежской области накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945). – Воронеж : ИИЦ ВГУ, 2009)

Б. Я. Табачников

*Воронежский областной институт повышения квалификации
и переподготовки работников образования*

Поступила в редакцию 4 июня 2010 г.

Аннотация: дается обзор двух книг: научно-популярного издания профессора ВОИПКуПРО Ю. В. Пыльнева «Воронежская губернская (1-я мужская) гимназия», в котором изложены основные этапы развития Воронежской губернской гимназии (1809–1918) на фоне главных школьных реформ, предпринятых в России в 1803–1804, 1828, 1864, 1871 гг., и монографии кандидата исторических наук С. А. Чуева, профессора ВОИПКуПРО Ю. В. Пыльнева «Народное образование в Воронежской области накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945)», в которой впервые комплексно рассматриваются процессы, происходившие в сфере советского и воронежского народного образования в 1939–1945 гг.

Ключевые слова: общественно-политические процессы, политика государства, реформирование школы, педагогические кадры, школа и идеология.

Abstract: the article reviews two books: Voronezh Regional High School (1st male school) – a research by Professor U. V. Pylnev, Voronezh Regional Institute of Continuing Education and Staff Development for Educators where the author describes the development of the school between 1809 and 1918, while major school reforms took place in 1803–1804, 1828, 1864, 1871, and a monograph by Professor S. A. Chuev, Candidate of Historical Science, Voronezh Regional Institute of Continuing Education and Staff Development for Educators, Public Education in the Voronezh Region Before and During II World War (1939–1945), which provides a first attempt of complex analysis of all processes in public education in Soviet Union and Voronezh region in particular.

Key words: social and political processes, national policy, school reforms, educators, school and ideology.

Юрий Валентинович Пыльнев, известный исследователь истории отечественного образования, создатель уникального музея, в котором представлены более двух тысяч экспонатов, отражающих эволюцию школьного дела в нашем крае, опубликовал интересно оформленную книгу о Воронежской губернской гимназии. Чтение этого научно-популярного издания – одно удовольствие. Каждый, кто интересуется историей русской школы, ее учениками и учителями, содержанием образования, вопросами методики и воспитательными

ми концепциями, найдет здесь информацию едва ли не исчерпывающую. Читатель погружается в атмосферу бытования гимназистов и их наставников во времена, охватывающие целое столетие (1809–1918). Автор рисует живые картинки повседневной жизни учреждения с его заботами и радостями, огорчениями и развлечениями. Читая книгу, чувствуешь атмосферу дореволюционной гимназии, видишь ее классы и коридоры, дворы и гимнастические залы, которых в те времена было так же мало, как и сейчас. Умение скупыми средствами воссоздать реальную и многостороннюю картину давно ушедшей жизни – большое досто-

инство рецензируемой книги. Может быть, здесь не хватает двух-трех ярких, колоритных портретов учителей, инспекторов, руководителей системы. Но даже при том, что есть в книге, невольно вспоминаешь редкостно-остроумную, но прилично забытую пьесу Константина Тренёва «Гимназисты» и бессмертный рассказ А. П. Чехова «Человек в футляре».

Ю. В. Пыльнев подробно пишет о структуре образовательных учреждений в России, о связи и преемственности между различными типами школ (уездное – приходское училище), раскрывает роль гимназии как высшего звена в системе общего образования. В разделе «Приложения» автор, скрупулезно работающий с разнообразным корпусом источников, приводит большое количество документов, которые могут и, вероятно, должны подтолкнуть новых исследователей к дальнейшим научным изысканиям, еще более глубокому постижению сути и места гимназического образования в системе народного просвещения, о котором, казалось бы, денно и нощно должно было печься послепетровское русское государство.

И здесь мы подходим к тому главному, что есть в книге воронежского историка. Нужно сказать, что на протяжении всей его научной и публикаторской работы, отличающейся чрезвычайной тщательностью в отборе разнообразных документов, подкупает умение не только дать читателю правдивую, порой исчерпывающую картину успехов или провалов российской образовательной практики, но и тонко, ненавязчиво обнажить суть проблемы «власть и образование». Вот одна из цитат рецензируемой книги: «...в начале XX века правительство делало максимум возможного для развития школы, в частности значительно увеличилось финансирование образования. Но в такой огромной стране, как российская империя, и этих сумм было недостаточно. В России один университет приходился на 17 миллионов человек, а в Германии – на 2,8 миллиона жителей. Значит, Россия отставала от Германии в подготовке специалистов с университетским образованием в 6 раз...» (с. 65).

К этому можно добавить один исторический факт. В 1871 г. Пруссия одержала в войне с Францией довольно быструю победу, позволившую ей беспрепятственно объединить разрозненные до этого германские земли в единое государство. В эйфории не только прусская, но и вся германская пресса славилась генералов, называя их творцами победы. И тогда возглавлявший их канцлер объединенного германского государства Отто фон Бисмарк остудил горячие перья одним коротким замечанием: «Войну выиграли не генералы, но прусский учитель». И действительно, 68 % нижних

чинов прусской армии уже в то время имели начальное и среднее образование. В России ничего подобного ни в те, ни в другие дореволюционные времена быть не могло. И тому было немало причин. Власть, к примеру, начиная с первой трети XVIII века хорошо понимала необходимость образования, но всегда боялась его широкого распространения среди низших сословий. Забитыми малограмотными подданными управлять куда легче, куда сподручнее. Вдумайтесь в деяния школьных администраторов – автор их хорошо описывает, – пытавшихся изгнать из образовательных учреждений поэзию Н. А. Некрасова. Прорыв Александра I, учредившего Царскосельский лицей и несколько университетов, не в счет. Он быстро иссяк, хотя значение его трудно переоценить. Было и еще одно немаловажное обстоятельство. Постоянная технологическая отсталость России не позволяла ей, что называется, хорошо зарабатывать, а стало быть, вкладывать достаточное количество финансовых ресурсов в будущее нации. О нем, как правило, задумывались мало. Характеристики министров, ответственных за народное просвещение (в книге Ю. В. Пыльнева их немало, и все они поразительно объективны), читателя в этом убеждают.

Была и еще одна черта старой школы, связанная со спецификой российской культурной парадигмы. Речь идет о постоянном, из века в век повторяющемся, неуважении к личности, которое просматривается в системе ограничений и наказаний, широко применявшихся в гимназическом обиходе. Автор подробно, приводя документы, пишет об этом. И невольно приходишь к мысли: обилие первоклассных умов и характеров, выращенных в гимназических условиях (Н. И. Костомаров, А. С. Чаплыгин, Б. М. Эйхенбаум, список этот может быть продолжен), имело место не благодаря, а вопреки той атмосфере, которая была столь характерной для всей царской школы.

Книга Ю. В. Пыльнева прекрасно иллюстрирована, и рассматривая фотографии, факсимильные оттиски учебников и многочисленных документов, можно многое понять и оценить. Нельзя, к примеру, не обратить внимание на значительное количество мужчин, пребывающих в цветущем возрасте и служащих учителями, инспекторами, администраторами в сфере образования. Стало быть, эти люди (вспомним, скажем, Илью Николаевича Ульянова) могли содержать большие семьи, держать прислугу и т.д. С сегодняшней, едва ли не стопроцентно феминизированной школой никакого сравнения...

Сквозь увеличительное стекло истории, которым умело воспользовался исследователь, мно-

гое, как видим, можно рассмотреть и о многом узнать. В этом, пожалуй, главная ценность умной и великодушной книги летописца воронежского образования. Прекрасно изданная, она обязательно найдет своего читателя.

... Вторая из рецензируемых нами книг издана значительно скромнее, да и написана суше, жестче, конспективнее. Однако ценность ее для всех, кто интересуется историей образования в нашем крае, также велика. Во-первых, потому, что это первое целостное исследование, посвященное истории воронежской школы в предвоенные и военные годы. Во-вторых, источниковая его основа необычайно богата и разнообразна. Авторы изучили и проанализировали солидный массив соответствующих архивных фондов, нормативно-правовые акты, по которым школа жила и которыми руководствовалась в повседневной практике тех лет, источники справочно-статистического характера, материалы центральных, областных, некоторых районных газет. Наконец, в списке литературы они приводят внушительное количество тематических исследований, включающих авторефераты кандидатских и докторских диссертаций, так или иначе соприкасающихся с проблематикой монографии. Третье очевидное достоинство предлагаемого читателю издания: нет ни одной стороны жизни школы (развитие образовательной сети, подготовка и переподготовка педагогических кадров, идеологические установки, введение и отмена платы за обучение), которой в большей или меньшей степени авторы не коснулись бы. К примеру, мы не без основания полагали, что на протяжении всего советского периода школьные и вузовские программы были насквозь идеологизированы и жестко контролировались партийным агитпропом. Так оно в сущности и было. Еще сов-

сем недавно чиновники от образования с упоением и энтузиазмом говорили о необходимости идеологизации учебного процесса. Кандидатуры руководителей учебных заведений (любого уровня) согласовывались с партийным начальством и утверждались на бюро партийных комитетов. Авторы этого не отрицают. Более того, приводят вопиющие факты давления, idiotических поддержек, brutального нажима на учителей и учащихся разноуровневого партийного руководства. И вместе с тем они обращают внимание читателя на то, что результаты партийного диктата «нельзя оценивать однозначно и категорично» (с. 89). В книге немало примеров горького неверия в пропагандистскую трескотню, скрытого сопротивления ей, насмешек и издевок учителей и учащихся (особенно на селе) над агитврагнем и примитивным лукавством. Пожалуй, здесь авторы могли бы более обстоятельно порассуждать об эффективности преподавания гуманитарных дисциплин, глубже разобраться в причинах дремучего невежества, демонстрируемого в те времена обеими сторонами учебного процесса.

Еще одна сторона идеологической жизни школы, которая могла бы стать предметом авторской рефлексии, – материальная обеспеченность школ, изб-читален, клубов, учреждений повышения квалификации.

В книге С. А. Чуева и Ю. В. Пыльнева много и других сюжетов, которые вызовут несомненный интерес читателя. К сожалению, аналитический потенциал предложенного нам исследования не дотягивает до его документально-фактического богатства, которым, как нам кажется, должны воспользоваться следующие поколения специалистов, да и сами авторы, идущие пионерскими тропами, последнего слова еще не сказали.

Воронежский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

Табачников Б. Я., кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

Тел.: 35-20-15

Voronezh Regional Institute of Continuing Education and Staff Development for Educators

Tabachnikov B. Ya., Candidate of Historical Sciences, Professor, Honoured Worker of Russian Higher Education

Tel.: 35-20-15